

Василий Васильевич Сиповский

**История русской словесности.
Часть 3. Выпуск 1**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82.09

ББК 83.3

Василий Васильевич Сиповский

История русской словесности. Часть 3. Выпуск 1 / Василий Васильевич Сиповский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 250 с.

ISBN 978-5-4241-1809-8

Василий Васильевич Сиповский родился 2 апреля 1872 г. в Киеве. Историк литературы, писатель. Сын Василия Дмитриевича Сиповского. Окончил курс в Санкт-Петербургском университете; в 1899 г. защитил диссертацию на степень магистра "Карамзин, автор Писем русских путешественников". Написал еще: "Пушкин, Байрон, Шатобриан" (1899); "Онегин, Татьяна и Ленский" ("Русская Старина", 1899 и отд.) и несколько журнальных статей. Член-корреспондент Российской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (русская литература) с 10 декабря 1921 г. Умер 23 октября 1930 г. в Ленинграде.

ISBN 978-5-4241-1809-8

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Василий Васильевич
Сиповский
ИСТОРИЯ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

Часть III
ВЫПУСКЪ I

(Исторія новой русской
литературы XIX столѣтія)
(Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій)
СОСТАВИЛЪ В. В. Сиповскій,
примѣнительно къ новымъ
программамъ ср. учебн. завед.
М. Н. Пр

(мужскія гимназіи, реальныя
училища и женскія гимназіи), а
также соотвѣтственно новымъ
программамъ, принятымъ въ
учебныхъ заведеніяхъ IV
Отдѣл. Вѣдомства

ПРЕДИСЛОВІЕ

Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій — крупнѣйшія явленія въ исторіи нашей литературы. Они не только объясняютъ *все* въ ея *прошломъ*, — они, своей литературной дѣятельностью, даютъ ключъ къ разумѣнію всей *послѣдующей* русской литературы. Вотъ почему изученіе ихъ творчества особенно важно, такъ какъ оно даетъ возможность уяснить великій *историческій смыслъ* изученія послѣдовательнаго (не эпизодическаго) курса исторіи русской литературы. Оттого считалъ я цѣлесообразнымъ характеристикѣ этихъ трехъ великихъ русскихъ писателей отвести побольше мѣста въ своемъ учебномъ руководствѣ. Я постарался органически связать ихъ съ исторіей русскаго народнаго, письменнаго и книжнаго творчества предшествующихъ вѣковъ. Послѣдній (второй) выпускъ III-ей части моего руководства отведенъ выясненію тѣхъ литературныхъ результатовъ, къ которымъ привела русскую литературу въ XIX ст. дѣятельность трехъ названныхъ писателей.

Полагаю, что детальный анализъ произведеній Пушкина и Гоголя долженъ приучить учениковъ внимательнѣе относиться къ великимъ произведеніямъ русскаго литературнаго слова. Нѣтъ физической возможности составить руководство, въ которомъ съ такою же детальною анализированы были произведенія многочисленныхъ русскихъ лириковъ и романистовъ XIX столѣтія. Изъ попытки написать классное руководство съ такими широкими планами вышло бы нѣсколько объемистыхъ томовъ, которые «руководствомъ» быть, конечно, не могли бы. Вотъ почему, съ педагогической точки зрѣнія, я считаю полезнымъ приучать учениковъ къ литературному анализу на болѣе доступныхъ, по мысли и объему, произведеніяхъ Пушкина и Гоголя — съ тѣмъ, чтобы ученики самостоятельно могли примѣнять полученные «навыки» къ анализу произведеній новѣйшихъ русскихъ писателей. Вотъ почему послѣдняя часть моего руководства которая охватитъ 40–60, отчасти 70-ые годы исторіи русскаго, творчества, представить собою — 1) сжатую характеристику главнѣйшихъ русскихъ литературныхъ направленій второй половины XIX в.,- 2) выясненіе той генетической связи, которая соединяетъ важнѣйшія литературныя явленія XIX ст. въ одно органически-послѣдовательное развитіе, — 3) указаніе на ту связь, которая русскую литературу этого періода неразрывно соединила съ идейнымъ содержаниемъ русской жизни XIX-го ст.

Я думаю, что такое «историческое» освѣщеніе литературной жизни XIX-го столѣтія подыметъ у учениковъ интересъ къ изученію величайшихъ произведеній эпохи и оставитъ для ихъ *самостоятельности* широкій просторъ. Пусть въ ихъ рукахъ будутъ произведенія, историческій смыслъ которыхъ имъ ясенъ, — литературный анализъ произведутъ они сами, благодаря основательнымъ знакомствомъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Бѣлинскимъ.

Пушкинъ въ александровскую эпоху

Сложность общественной жизни русскаго общества въ александровскую эпоху.

Во второй части моей "Исторіи русской словесности" (стр. 187–193) я сдѣлалъ характеристику того любопытнаго времени, лучшимъ выразителемъ котораго былъ у насъ Пушкинъ. Я отмѣтилъ сложность культурной жизни этой эпохи, указавъ на пестроту ея общественныхъ настроеній, на разнообразіе интересовъ тогдашняго общества, — разнообразіе, доходившее до разительныхъ противорѣчій. Ясно все это противорѣчія сказались на личности самого Александра I: начавъ съ рѣчей о конституціи, онъ кончилъ тѣмъ, что отдалъ Россію въ руки Аракчеева, Магницкаго, Рунича и Фотія. Подобныя противорѣчія наблюдаются и въ русскомъ обществѣ: рядомъ съ консерватизмомъ Карамзина ("Записка о древней и новой Россіи", "Исторія Государства Россійскаго") и его идеализаціей Московской Руси — развиваются и зрѣютъ либеральныя мечты русскихъ конституціоналистовъ, разбившіяся 14 декабря 1825 года о крѣпкіе устои самодержавія. На ряду съ интересами *политическими* въ тогдашнемъ обществѣ сильны были (особенно, подъ конецъ царствованія Аіександра I) интересы *религіозные*, выразившіеся, между прочимъ, въ усиленіи мистицизма (секты, масонство) — и, наконецъ, стали уже ясно опредѣляться интересы *философскіе* (вліянія нѣмецкой идеалистической философіи Шеллинга и Гегеля).

Сложность литературной жизни.

Въ области *литературной* надо отмѣтить такое же существованіе въ одно время самыхъ различныхъ настроеній. Вслѣдъ за *крайнимъ индивидуализмомъ оптимиста-Жуковского*, который не признавалъ никакихъ общественныхъ интересовъ и сосредоточился исключительно на созерцаніи своей "прекрасной души", намѣчается такая-же индивидуалистическая *лирика*, но *пессимистическая* (Боратынскій) и, въ то же время, расцвѣтаетъ направленіе *чисто-эстетическое* (Батюшковъ), которое также было чуждо всякой политики и признавало *чистую красоту* единственнымъ содержаніемъ поэзіи. Въ то же время и *политическія* настроенія эпохи нашли себѣ выраженіе въ лирикѣ Рылѣева, Одоевского и др. *Реалистическое* направленіе выразилось въ творчествѣ Крылова и Грибоѣдова; *народническое*, намѣченное еще XVIII-ымъ вѣкомъ, тоже развивалось, захватывало дѣятельность почти всѣхъ тогдашнихъ писателей, — крупныхъ и мелкихъ, старыхъ и молодыхъ, но не находило себѣ еще яркаго выразителя.

Пушкинъ — итогъ всей предшествовавшей русской литературной жизни.

Пушкинъ былъ любопытнымъ *итогомъ* всѣхъ этихъ "направленій": въ теченіе недолгой своей литературной дѣятельности онъ, начавъ съ *псевдоклассицизма*, перешелъ къ *романтизму* и кончилъ *реализмомъ* и *народничествомъ*. Онъ былъ и индивидуалистомъ, который живетъ только интересами своей души, былъ и скорбникомъ-пессимистомъ, былъ и эстетикомъ-"жрецомъ", служителемъ "чистой красоты", былъ и политикомъ-судьей русской тогдашней жизни... И не только настроенія изящной литературы XVIII-начало XIX-го вѣка были имъ пережиты, — ему болѣе, чѣмъ кому-либо изъ его предшественниковъ, удалось понять и выразить въ своемъ творчествѣ духъ древней Руси и идеалы простого русскаго народа. Вотъ почему все это заставляетъ видѣть въ Пушкинѣ *итогъ всей*

русской литературы, не только новой, но и древней и даже народной словесности (см. 1 стр. 1 т. 1-го вып. моей "Истории русской словесности"). Оттого известное изречение Герцена: "Петръ Великій бросилъ вызовъ Россіи и она отвѣтила ему Пушкинымъ" — далеко не охватываетъ всего содержания пушкинского творчества.

Біографія Пушкина. Отецъ и мать.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26 мая 1799 года, въ достаточной дворянской семьѣ. Воспитанія дома онъ не получилъ хорошаго. Отецъ его былъ пустой свѣтскій человѣкъ, — актеръ-любитель, охотникъ разсказывать анекдоты и собирать сплетни; онъ гордился своей славой остряка, умѣвшаго сочинять каламбуры и экспромты. До старости онъ остался эгоистомъ, которому до семьи дѣла никакого не было. Жена его тоже жила только интересами свѣтской жизни. Какъ мужъ, она не занималась ни хозяйствомъ, ни дѣтьми. Но, кромѣ того, она была вспыльчива и несправедлива, — такъ, напримѣръ, она съ ранняго дѣтства не взлюбила будущаго поэта — и эта «нелюбовь» сохранилась у нея навсегда. Домъ Пушкиныхъ представлялъ собой вѣчную толчею, — они были друзьями всей Москвы, и двери ихъ квартиры были открыты для всѣхъ, — "для званныхъ и незванныхъ, особенно изъ иностранныхъ". Вѣчно запутанные въ долгахъ, они являли собою примѣръ полной безалаберности.

Литературныя вліянія въ дѣтствѣ на поэта. Вліяніе няни.

Свѣтлой чертой С. Л. Пушкина была любовь къ литературѣ, — у него была богатая бібліотека, составленная изъ французскихъ и русскихъ писателей XVIII в. Эта бібліотека въ жизни его знаменитаго сына сыграла большую роль: благодаря ей, онъ, еще ребенкомъ, познакомился съ литературой XVIII в. и рано взялся за перо: еще въ родительскомъ домѣ началъ онъ сочинять подражанія Мольеру и Вольтеру. Но особенно увлекала его "легкая поэзія" французовъ, съ ея жизнерадостными настроеніями, веселымъ, не всегда приличнымъ содержаниемъ. Обладая съ дѣтства феноменальной памятью, Пушкинъ "выучилъ наизусть" всю эту литературу, — оттого такъ сильны были ея вліянія на первыхъ опытахъ его собственнаго творчества. Познакомился Пушкинъ и съ произведеніями русскихъ писателей; нѣкоторыхъ онъ узналъ даже лично: И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій посѣщали домъ его отца. Но не только съ книгами знакомился А. С. Пушкинъ, — его няня Арина Родіоновна разсказывала ему народныя сказки, пѣла пѣсни; она была хорошимъ знатокомъ пословицъ, прибаутокъ и сумѣла заинтересовать мальчика народной поэзіей, заставила его полюбить съ дѣтства народное творчество. Она привязалась къ забытому, нелюбимому ребенку и согрѣла его маленькое отзывчивое сердце своей любовью, спасла это сердце отъ ранняго холода и озлобленія. Сроднивъ его съ простонародной поэзіей, она защитила душу мальчика отъ того презрѣнія къ родинѣ, которое было присуще многимъ людямъ того времени¹ и которое было результатомъ нерусскаго воспитанія нашего дворянства. На всю жизнь сохранилъ поэтъ благодарность къ своей старой нянѣ. Зато француженки-гувернантки и французы-гувернеры совсѣмъ не сумѣли овладѣть его «неумимчивой» натурой: и вотъ, не зная родительской любви, почти не вѣдая надъ собой контроля, онъ росъ свободно и безпорядочно.

Пушкинъ въ лицей.

Въ 1811-омъ году родители помѣстили его въ царскосельскій лицей, тогда

только что открытый. Здѣсь Пушкинъ занимался неровно, — только тѣмъ, что его интересовало; педагогическимъ вліяніямъ своихъ лицейскихъ наставниковъ онъ совсѣмъ не поддавался. Съ товарищами у него отношенія были тоже непрочныя. Вспыльчивый, неровный въ обращеніи, то назойливый, то обидчивый — онъ для многихъ изъ нихъ остался навсегда человѣкомъ непонятымъ. Сблизился онъ только съ Пушцинымъ и Дельвигомъ, которые сумѣли подъ несимпатичной оболочкой открыть его любящее сердце. Они привязались къ нему, и онъ на ихъ чувства отвѣтилъ такой-же неизмѣнной любовью.

Литературныя интересы лицеистовъ.

Особенное значеніе имѣлъ для Пушкина лицей въ томъ отношеніи, что здѣсь окончательно сложились его литературные вкусы: онъ сдѣлался центромъ литературнаго кружка тѣхъ товарищей, которые, какъ и онъ, пописывали стихи. Молодые поэты издавали и свои рукописные журналы. Чтеніе тоже процвѣтало въ лицей. Лицеисты выписывали всѣ лучшіе тогдашніе журналы и слѣдили за русской и иностранной литературой. Впрочемъ, Пушкинъ остался вѣренъ той «легкой» французской поэзіи, съ главными произведеніями которой онъ ознакомился еще дома. Вотъ почему и первые литературные опыты его почти всѣ носятъ слѣды вліяній этой фривольной поэзіи.

Вліяніе Чаадаева.

Пользуясь «свободой» лицейской жизни, Пушкинъ часто посѣщалъ общество царскосельскихъ гусаровъ. Здѣсь онъ сблизился съ Нащокинымъ и Каверинынымъ, — съ ними онъ кутилъ и повѣсничалъ; въ обществѣ гусаровъ подружился онъ и съ Чаадаевымъ. Этотъ образованный человѣкъ, «философъ-трезвенникъ», въ веселомъ обществѣ гусаровъ былъ «загадкой». Пушкинъ заинтересовался внѣ, и многіе вечера провелъ въ его кабинетѣ, слушая либеральныя рѣчи этого «мудреца-мечтателя». Можно думать, что либерализмъ Чаадаева былъ чисто-теоретическимъ, оторваннымъ отъ жизни, — тѣмъ не менѣе, онъ плѣнилъ Пушкина. Подъ вліяніемъ его, Пушкинъ сталъ думать о томъ, чтобы "отчизнѣ посвятить души высокіе порывы", онъ сталъ мечтать, что наступитъ время, когда "заря плѣнительнаго счастья" разгорится на родинѣ и воцарится "святая вольность". Вѣроятно, въ такомъ же либеральномъ духѣ были бесѣды Пушкина и съ Пушцинымъ, который, еще лицеистомъ, сблизился съ будущими декабристами.

Вліяніе Жуковского.

Въ другомъ направленіи вліялъ на Пушкина Жуковскій. Его прекрасная, «кристальная», свѣтлая душа дѣйствовала на мятежное, горячее сердце поэта успокаивающимъ образомъ; она просвѣтляла его и воодушевляла къ высокому и прекрасному. Самъ Пушкинъ признавалъ, что нѣжный голосъ "пѣвца Свѣтланы" обладалъ способностью "утѣшать" его "безмолвную печаль", а иногда его, слишкомъ "шумную, рѣзвую, радость" смирять первой неясной "думой".

Жуковскій имѣлъ вліяніе не только на его сердце, но и на творчество, — онъ ввелъ Пушкина въ интересы молодыхъ передовыхъ писателей, сгруппировавшихся въ "Арзамасъ", — этимъ онъ помогъ Пушкину скорѣе отдѣлаться отъ французскихъ псевдоклассическихъ вліяній.

Впечатленіе отъ войнъ 1812–1814 г.

Къ событіямъ этой эпохи, отразившимся на творчествѣ Пушкина, надо отнести также войну 1812 года. Лицеисты провожали войска, уходившія на войну, и въ 1814 году встрѣчали ихъ побѣдоносное возвращеніе; императоръ Алексан-

дрь, "спаситель Россіи и всей Европы", вызывалъ въ ихъ впечатлительной юности средѣ благоговѣніе.

Настроенія Пушкина въ лицей.

Въ личной жизни Пушкина событіями были различныя сердечныя увлеченія, самыя разнообразныя, — отъ мимолетныхъ, легкомысленныхъ — до болѣе глубокихъ, которыя приводили жизнерадостнаго лицеиста-поэта въ настроенія то радостныя, то элегическія, то даже пессимистическія.

Окончаніе лицея.

Въ 1817 г. 9-го іюня онъ кончилъ лицей и вступилъ въ свѣтъ. Для жизни онъ былъ такъ же мало подготовленъ, какъ и тогда, когда изъ родительскаго дома вступалъ въ стѣны лицея: онъ оставался такимъ же неуравновѣшеннымъ человекомъ, отзывчивымъ, впечатлительнымъ, равно способнымъ на добро и на зло, — все подъ вліяніемъ "минуты".

Настроенія русскаго общества той поры. Пушкинъ въ обществѣ. Ссылка поэта.

Русское общество этой поры жило самыми пестрыми впечатлѣніями: теперь надвигалась уже реакція, но значительная часть общества жило еще либеральными мечтами первыхъ дней александровскаго царствованія, — къ тому же общество было еще взволновано патріотическимъ подъемомъ 1812 года. Эта несогласованность настроеній уже выразилась въ столкновѣніяхъ правительства и общества. Въ литературѣ обозначилась такая же борьба между консерватизмомъ "Бесѣды" и либерализмомъ «Арзамаса». Кромѣ того, въ широкихъ кругахъ русскаго общества царилъ самый беззаботный разгулъ. Пушкинъ всей головою окунулся въ политическій и литературный либерализмъ эпохи и въ то же время, съ увлеченіемъ отдался свободной жизни тогдашней "золотой молодежи". Поэтъ точно старался обогатить себя самыми сильными и разнообразными впечатлѣніями. Въ его творчествѣ замѣчаемъ мы полное отраженіе его тогдашнихъ интересовъ: онъ разбрасываетъ злыя эпиграммы и памфлеты на тѣхъ дѣятелей, которые примкнули къ реакціи, онъ борется, вмѣстѣ съ арзамасцами, противъ членовъ "Бесѣды" — онъ воспѣваетъ въ своихъ стихахъ разгулъ, беззаботное веселье и легкомысленныхъ красавицъ. И, рядомъ съ этими гимнами въ честь радостей жизни, онъ знаетъ и грустныя чувства: какое-то «чистое» увлеченіе отравило его жизнерадостность... Впрочемъ, такія увлеченія недолго имъ владѣли, — налетали мятежныя страсти, и онъ отдавался имъ всецѣло, легко забывая свою чистую любовь. Тогда онъ, не безъ задора, говоритъ о своемъ презрѣніи къ «черни», понимая подъ этимъ словомъ людей, не одобряющихъ его эпикуреизма, — людей, скованныхъ благоразуміемъ, или приличіямъ. Юноша-поэтъ скоро угорѣлъ въ чадѣ такой жизни и утомился. Ссылка подошла кстати: за свое свободное поведеніе — онъ былъ принужденъ оставить столицу. Заступничество Карамзина, Жуковскаго, Энгельгардта (бывшаго директора Лицея) сдѣлало то, что "сѣверъ" (Сибирь, или Соловки) замѣненъ былъ ему «югомъ», — и Пушкинъ былъ отправленъ въ Екатеринославъ служить подъ начало генерала Инзова.

Пушкинъ на югѣ. Кавказъ и Крымъ.

Пріѣхавъ на мѣсто новаго служенія, онъ сейчасъ же захворалъ. Мимоѣздомъ посѣтилъ его Н. Н. Раевскій, знавшій его по Царскому Селу. Онъ ѣхалъ съ семействомъ на Кавказъ и пригласилъ съ собою А. С. Пушкина. Инзовъ отпустилъ его,

и поэтъ отправился на Кавказъ. Раевскіе былы людьми передовыми, хорошо образованными; они сердечно отнеслись къ Пушкину, и въ ихъ кругу поэтъ отдыхалъ душой послѣ пережитыхъ тревоженій. Онъ наслаждался природой Кавказа и внимательно присматривался къ жизни казаковъ.² Съ Кавказа они перебрались въ Крымъ, въ Гурзуфъ. Здѣсь онъ интересуется татарами, ихъ пѣснями и, подражая имъ, сочиняетъ пѣсню татаръ въ "Бахч. Фонтанѣ". Изъ Крыма Раевскіе отправились въ свое имѣніе Каменку, а Пушкинъ — въ Бессарабію. Пользуясь добротой своего начальника, онъ не разъ посѣщалъ Раевскихъ въ ихъ имѣніи. Здѣсь онъ встрѣтился съ нѣкоторыми будущими декабристами и принималъ участіе въ ихъ политическихъ бесѣдахъ.

Кишиневъ. "Міровая тоска" Пушкина.

Службой Инзовъ Пушкина не обременялъ, и поэту много свободного времени оставалось въ Кишиневѣ. Мѣстное общество не отличалось культурностью, и Пушкинъ повелъ себя по отношенію къ нему вызывающе — высмѣивалъ мѣстную знать, дрался нѣсколько разъ на дуэли. Въ низкой средѣ Кишинева онъ опять отдается низменнымъ интересамъ: угаръ петербургской жизни на него налетѣлъ еще разъ. Впрочемъ, онъ теперь не отдается ему всецѣло, — онъ много читаетъ, стараясь чтеніемъ восполнить пробѣлы своего образованія. Кромѣ того, онъ сближается съ нѣкоторыми передовыми офицерами южной арміи. Интересовался онъ также мѣстными нравами и обычаями, записывалъ пѣсни и сказанія; одно время увлекался онъ греческимъ возстаніемъ. Но все это не заполняло его души, и онъ здѣсь, на югѣ, скоро узналъ приступы "міровой тоски", — того чувства, которое прошло въ всему европейскому обществу, выразившись въ поэзіи Шатобріана, Байрона и многихъ другихъ большихъ и малыхъ «скорбниковъ». Ихъ вліянію поддался и Пушкинъ, и въ творчествѣ его за эту эпоху замѣтно вліяніе обоихъ этихъ пѣвцовъ "разочарованія".

Одесса. Столкновенія съ Воронцовымъ.

Истомившись въ полудикомъ Кишиневѣ, Пушкинъ перебрался въ Одессу служить подъ начало гр. Воронцова. На первыхъ порахъ жизнь въ шумной европейской Одессѣ плѣнила его, — онъ посѣщаетъ театры, завязываетъ знакомства, увлекается мѣстными красавицами, особенно г-жей Ризничъ. Но вскорѣ здѣсь его встрѣтили новыя непріятности: онъ не поладилъ со своимъ начальникомъ гр. Воронцовымъ, который требовалъ отъ подчиненныхъ исполнительности и корректности, — и тѣмъ, и другимъ Пушкинъ никогда не отличался; да, кромѣ того, онъ былъ избалованъ полной свободой, предоставленной ему въ Кишиневѣ Инзовымъ. Къ тому же Пушкинъ влюбился въ жену гр. Воронцова, и, кажется, встрѣтилъ взаимность. Хотя это было и вполне чистое, возвышенное чувство, но, конечно, оно могло только ухудшить отношенія между гр. Воронцовымъ и поэтомъ. Оскорбленный презрительнымъ отношеніемъ графа, пренебреженіемъ къ его литературной славѣ, Пушкинъ пересталъ стѣсняться даже въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ начальствомъ. Тогда гр. Воронцовъ попросилъ убрать поэта изъ Одессы на сѣверъ. Это сдѣлать было рѣшено въ Петербургѣ еще до полученія просьбы гр. Воронцова, такъ какъ въ руки московской полиціи попало письмо, въ которомъ поэтъ писалъ, что беретъ уроки атеизма"... Въ дни, когда высшіе круги русскаго общества отличались религіозностью, такое заявленіе поэта сочтено было, конечно, преступленіемъ, — и въ 1824 году онъ былъ отозванъ изъ Одессы и поселенъ въ имѣніи отца, селѣ Михайловскомъ Псковской губерніи.

Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

На первых порахъ здѣсь, въ деревенскомъ затишьи, поэтъ тосковалъ страшно, — его тянуло на югъ, гдѣ и природа такъ прекрасна, и гдѣ остались дорогія его сердцу существа.

Но вскорѣ Пушкинъ обжился въ деревнѣ, сталъ посѣщать сосѣдей, особенно сблизился съ Осиповой, ея дочерьми и сыномъ, студентомъ Дерптскаго университета. Въ деревнѣ продолжалъ онъ заниматься самообразованіемъ, — рѣдкое письмо его не заключаетъ въ себѣ просьбы прислать ему книгъ. Онъ перечиталъ въ это время много произведеній иностранной литературы, слѣдилъ внимательно за современной русской, изучилъ русскую исторію, познакомился съ русскими лѣтописями. Къ этому времени относится увлеченіе его Шекспиромъ, Вальтеръ-Скоттомъ и народной русской поэзіей. Особенно помогла ему въ этомъ отношеніи старушка-няня, съ которою ему пришлось коротать вдвоемъ долгіе зимніе вечера. Она пересказывала ему сказки и пѣла пѣсни, которыя когда-то онъ слышалъ отъ нея въ дѣтствѣ. Конечно, теперь онъ отнесся серьезнѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ, къ народной поэзіи, и самъ сталъ собирать и записывать народныя произведенія и всматриваться въ народные обычаи.³ Къ этому же времени относится возникновеніе у него интереса къ Св. Писанію, въ житіямъ святыхъ. Всѣ эти интересы отразились на его творчествѣ. Сказался на его произведеніяхъ также интересъ къ поэзіи чуждыхъ народовъ и эпохъ. Въ настроеніи Пушкина тоже произошли большія измѣненія: онъ успокоился и примирился съ жизнью, узнавъ ближе русскій народъ и его прошлое.⁴

Примиреніе съ жизнью. Пушкинъ "на волю".

Это новое міросозерцаніе его было чисто-философскимъ пониманіемъ жизни, признаніемъ въ ней наличности того добра, которое раньше имъ не понималось, не признавалось. На почвѣ такого новаго міросозерцанія развилось у Пушкина и новое пониманіе средствъ служенія обществу, — на прямыхъ, широкихъ и свободныхъ путяхъ. Вотъ почему онъ не примкнулъ къ декабрьскому мятежу, и 11-го мая 1825 года подалъ на имя государя прошеніе о снятіи съ него опалы. 28 августа онъ былъ спѣшно вызванъ въ Москву, 4-го сентября представленъ къ государю и былъ имъ прощенъ. Государь говорилъ съ нимъ долго и милостиво, обѣщалъ самъ цензуровать его сочиненія и поручилъ его надзору гр. Бенкендорфа, тогдашняго шефа жандармовъ. Это былъ человекъ исполнительный, но холодный и недоброжелательный: до процвѣтанія русской литературы ему дѣла никакого не было, и потому опека его надъ Пушкинымъ оказалась для поэта очень тяжелой. На первых порахъ этого поэтъ не замѣтилъ и беззаботно наслаждался "волей".

Отношеніе русскаго о-на и властей къ поэту. Настроенія Пушкина.

Московское общество приняло Пушкина съ распростертыми объятіями: съ нимъ носились въ "свѣтъ" и въ литературныхъ кругахъ. Онъ читалъ вездѣ свои произведенія (особенно "Бориса Годунова") и радовался отъ души тому, что его чтеніе вездѣ сопровождалось шумнымъ успѣхомъ. Его радость была отравлена суровымъ выговоромъ Бенкендорфа за то, что онъ осмѣлился читать своего "Бориса Годунова", не испросивъ на это предварительнаго разрѣшенія Государя. Драма была представлена на высочайшій судъ, и Государь пожелалъ, чтобы изъ нея были выкинуты всѣ народныя сцены, и она была обращена въ «романъ». Пушкинъ не согласился исполнить этотъ совѣтъ-приказаніе и на нѣсколько лѣтъ

запиратель "подъ сукно" свою драму. Тяжелое настроеніе опять имъ овладѣло, и его потянуло въ деревенскую тишь. Бенкендорфъ ревниво опекалъ поэта, часто дѣлая ему замѣчанія. Подъ вліяніемъ такихъ непріятностей, Пушкинъ сталъ томиться жизнью: онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ мѣсто, — житье то въ деревнѣ, то въ Петербургѣ. Онъ чуждъ былъ родной семьи, но, въ то же время, не могъ уже съ прежней юношеской жизнерадостностью отдаваться утѣхамъ холостой жизни, — онъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше тогдашняго русскаго общества — и литераторскаго, и свѣтскаго; наконецъ, онъ сознавалъ, что не исполнились его мечты о независимомъ существованіи, ради котораго принесено было столько жертвъ.

Сватовство.

Утомившись одинокой холостой жизнью, поэтъ начинаетъ искать прочной любви, которая могла бы создать его семейное счастье. Съ этой цѣлью онъ пытался сблизиться съ нѣкоторыми барышнями московскаго и петербургскаго свѣта, но всѣ эти попытки долго оставались неудачными.

И вотъ, судьба поставила ему на пути Наталью Николаевну Гончарову. Это была молоденькая, семнадцатилѣтняя дѣвушка, недалекая и малообразованная, но прекрасная собой, какъ Мадонна. У Пушкина, по его словамъ, "закружилась голова", когда онъ ее увидалъ, и онъ рѣшительно пошелъ къ развязкѣ, начавъ сватовство съ матерью плѣннившей его дѣвушки, кажется, не постаравшись заглянуть въ сердце и душу самой дѣвушки. Мать ея была человѣкомъ очень тяжелымъ: набожность въ старомъ московскомъ духѣ и благоговѣніе передъ памятью Императора Александра не спасли ее отъ самодурства, деспотизма и, вообще, недоброжелательства къ людямъ. Она была, во всѣхъ отношеніяхъ, полною противоположностью Пушкину.

Кавказъ.

Поэтъ, съ его славой вольнодумца религіознаго и политическаго, былъ ей антипатиченъ, но и дочь пристроить поскорѣе она была не прочь. Во всякомъ случаѣ, она дала Пушкину неопредѣленный отвѣтъ, который повергъ его въ такое отчаянье, что онъ вдругъ почувствовалъ потребность бросить все — и Москву, и Петербургъ, и удрать куда-нибудь подальше, отъ знакомыхъ лицъ, отъ знакомыхъ людей... Не испрашивая никакихъ разрѣшеній, самъ не отдавая себѣ ясно-го отчета зачѣмъ, — помчался онъ на Кавказъ. Онъ, между тѣмъ, скакалъ въ дѣйствующую армію, гдѣ думалъ размыкать свое горе среди сильныхъ ощущеній войны. Всегда впечатлительный и увлекающійся, онъ вздохнулъ на Кавказѣ свободной грудью: какъ ребенокъ, наслаждался онъ красотами природы и картинами своеобразной кавказской жизни. Онъ принялъ дѣятельное участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ, — съ отвагой бросался въ первые ряды, гдѣ шла горячая свалка. Главнокомандующій Паскевичъ скоро выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу того, что онъ не желаетъ слушать его совѣтовъ; кромѣ того, Паскевичъ былъ недоволенъ невниманіемъ поэта къ его любезности и сближеніемъ съ декабристами.

Исполняя желанія Паскевича, Пушкинъ отправился во-свояси на сѣверъ.

На родинѣ его ждали выговоры Бенкендорфа за самовольный отъѣздъ и сухой пріемъ Гончаровыхъ. Тѣмъ не менѣе, въ ноябрѣ 1830 года онъ сдѣлался женихомъ Н. Н. Гончаровой; потомъ начались между нимъ и будущей тещей нелады, которые чуть было не повели къ окончательному разрыву. Кажется, подъ конецъ,